

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТГУ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В ФИЛОЛОГИИ XXI ВЕКА:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**Материалы Всероссийской молодежной конференции
23–25 августа 2012 г.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2012

Таким образом, ряд имен фиксирует собой исчезнувшие к XVIII–XIX веку слова и реалии, и может послужить источником пополнения словарей, посвященных истории языка. Также ряд слов, от которых образованы имена, в XI–XVII вв. имеет более общее значение, а в говорах XIX века и в современных говорах более частное.

Подводя итог, можно сказать, что данная работа послужила началом изучения древнерусских имён поля социальных отношений в этимологическом и историко-культурном аспектах, выявления их влияния на последующее формирование русских фамилий.

Примечания

¹ Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973. – С. 7.

² Словарь древнерусских собственных имён / Н.М.Тупиков. – СПб.: Наука, 2005.

³ Суперанская А.В., Сталтамане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований, М., 2007. С. 9.

⁴ Суперанская А.В. К проблеме типологии антропонимических основ // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – М., 1988. – С. 8–19.

⁵ Словарь русского языка XI – XVII веков, М., 1975. – Т. 1. – С. 49.

⁶

⁷

⁸ Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. – М., 1998. – Т. 1. – С. 45.

⁹ Словарь русских народных говоров. – М., 1966. – Т. 1. – С. 203.

ОТ «ГАНЦА КЮХЕЛЬГАРТЕНА» К «МИРГОРОДУ»: СМЕНА ПАРАДИГМ ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ В СВЕТЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ (ЗАМЕЧАНИЯ К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Е.О. Третьяков, ТГУ, аспирант

Научный руководитель – А.С. Янушкевич

В настоящее время литературоведение претендует на статус комплексной, фундаментальной отрасли человеческих знаний, включающей в свой состав методологические установки дисциплин не только социо-гуманитарного, но и естественнонаучного циклов, т.е. выказывает намерения занять в некотором смысле место философии. Целью настоящей статьи является попытка совмещения реалий творческого пути Н.В. Гоголя и положений синергетики, являющейся ядром постнеклассической парадигмы научного знания.

В контексте изучения творческой системы Н.В. Гоголя через призму синергетики интересно то, что важнейшей составляющей эволюционно-синергетической парадигмы является эволюционизм, который понимается не в традиционном смысле естественнонаучных теорий Ч. Дарвина, а сквозь призму концепции глобального эволюционизма, вошедшей в систему понятий современной философии в начале 80-х гг. XX столетия. На основе идеи глобального эволюционизма возникает образ мира как саморазвивающейся суперсистемы, в которой каждая ее часть предстает как составляющая целостности: и как событие, и как система одновременно. Процессуальность становится универсальной характеристикой.

Мучительные поиски Гоголем идеала и финальное его обретение, зафиксированное в последнем опубликованном при жизни художественном произведении – повести «Рим» (1842), могут быть проинтерпретированы в этом смысле как частное проявление всеобъемлющего процесса эволюции, который предстает на современном этапе научного познания (и, в частности, в труде Э. Янча «Самоорганизующаяся Вселенная») единой системой взаимодействий. Эти положения очень актуальны для восприятия биографического и твор-

ческого пути Н.В. Гоголя, в качестве определения которого термин «космогония» представляется единственно верным.

Итак, *синергетика* – это новое направление в развитии науки, возникшее в 70-е гг. XX в., основоположником которого считается Г. Хакен. Предметом рассмотрения здесь является самоорганизация, и речь идет не о системах как таковых, а о *процессе* структурирования, т.е. происходит качественный переход от изучения статике систем к динамике.

Брюссельской школой, возглавляемой И. Пригожиным, было показано, что в случае равновесного (автоматически устойчивого) состояния или в состояниях, близких к равновесию, развитие системы невозможно. Примеры живых систем, т.е. систем, активно взаимодействующих со средой, позволяли предположить, что источником порядка может быть не только равновесие, но и неравновесие². Другими словами, синергетика может быть определена как наука о нестабильности. Мир синергетики – это процессы становления порядка из хаоса. Несколько забегаю вперед, отметим, что подобное положение как нельзя более соответствует космогоническим установкам Гоголя.

При этом синергетика дает качественно новое представление о хаосе, который рассматривается в эволюционном ключе: не в качестве последней стадии в развитии систем, но напротив – как источник нового порядка.

Обратимся теперь к творческому пути Н.В. Гоголя. Как известно, одним из первых опубликованных произведений художника была поэма «Ганц Кюхельгартен», увидевшая свет в 1829 г. На нее незамедлительно последовали три отрицательные рецензии³, которые характеризовали поэму как слабое и откровенно подражательное произведение. После ознакомления с первыми двумя отзывами Гоголь скупает в книжных магазинах столицы все оставшиеся нераспроданными экземпляры тиража и ритуально сжигает в номере гостиницы.

После этого Гоголь никогда больше не писал стихов.

Возникает вопрос: чем руководствовался художник, предпринимая заведомо тщетную попытку уничтожения своего первого крупного создания?.. Безусловно, Гоголь не мог рассчитывать на то, что ему удастся стереть память о своем неудавшемся дебюте на литературном поприще полностью и бесследно. Возможно, то был своего рода символический жест; однако впоследствии писатель не раз отрекался от своих творений⁴, но никогда это не приобретало столь радикальных форм – вплоть до февраля 1852 г., когда происходит сожжение окончательной редакции второго тома «Мертвых душ». Душевное состояние, владевшее молодым поэтом, понятно; но его поступок необъясним – тем более с учетом того факта, что после провала «Ганца Кюхельгартена» Гоголь предпринимает путешествие в Германию, которую он патетически именует в поэме «Страна высоких побуждений! Воздушных призраков страна!»⁵, желая, по всей видимости, проверить, в какой степени поэтические фантазии соответствуют реальности. Поэтому по меньшей мере странно, что в преддверии этого окончательного эксперимента Гоголь истерически уничтожает поэму, в которой нашло отражение юношеское восхищение Гоголем Германией и его приверженность немецкому романтизму.

Кроме того, недоумение вызывает тот факт, что после этих событий Гоголь действительно никогда не возвращался к стихосложению. Поразительно, что на «юношу бледного со взором горящим» так повлияло неприятие критикой его первого поэтического опыта, что он принципиально порвал со стихотворством. Это представляется как минимум наводящим на размышления, однако биографы Гоголя и исследователи его творчества зачастую просто констатируют данную последовательность событий как свершившийся факт, не пытаясь отыскать их глубинной сущности. Попытаемся проинтерпретировать перечисленные события в свете синергетической парадигмы.

Для этого прежде всего отметим, что в синергетике создан собственный язык описания со своими специфическими понятиями, из которых наиболее важным является «порядок через флуктуацию» (*флуктуация* – от лат. *fluctuatio* – «колебание»). Данный термин подразумевает, что для перехода в новое, качественно иное состояние система предварительно должна потерять устойчивость. Для достижения этого устойчивые состояния должны находиться достаточно близко к неустойчивой точке, иначе флуктуации может, перифрастически выражаясь, «не хватить», чтобы подвинуть систему на переход из одного состояния в другое.

Для описания согласованных взаимодействий используется такое понятие, как *аттрактор*. *Аттрактор* (от англ. *attract* – «притягивать») – это состояние, структурирующее поведение составляющих системы за счет их «притягивания» к себе; множество точек фазового пространства динамической системы, к которому стремится траектория этой системы с течением времени.

Синергетика описывает возникновение и формирование сложных самоорганизующихся систем в соответствии со сценариями сменяющих друг друга периодов устойчивости и неустойчивости, причем периоды устойчивости могут иметь совершенно различный характер. Система как бы блуждает в пространстве состояний, формируя свой первый аттрактор, который играет роль своеобразной «памяти» системы. После формирования первого аттрактора система за счет потери устойчивости и флуктуаций «перескакивает» в другую область, формирует аттрактор там, затем может пойти «искать» третий аттрактор или перескочить в первый и т.д.

Помимо этого, следует ввести наиболее характерное понятие синергетики – понятие *бифуркации*. Дословно *точка бифуркации* (от лат. *bifurcus* – «двухзубый», «раздвоенный») – это момент разветвления, которому соответствует критическое значение процесса самоорганизации, когда траектория развития системы отклоняется от того пути, по которому она двигалась до сих пор. Метафорически говоря, вблизи точки бифуркации система «ищет», куда она пойдет далее.

Именно в соответствии с этими определяющими положениями синергетики воспринимается нами данный период творческой деятельности Гоголя. Несколько утрируя реальное положение вещей, назовем ситуацию, сложившуюся в 1829 г. и связанную с публикацией «Ганца Кюхельгартена», периодом флуктуации. Не будучи по складу своего художественного дарования стихотворцем, Гоголь в период 1827–1829 гг., пока шла работа над идиллией в картинах, находился в состоянии крайне неустойчивого равновесия, обусловленного все более эксплицитно проявившимся противоречием между его установками как художника и наследием раннего этапа творческой деятельности, от инерции которого формирующийся великий писатель не мог сознательно отказаться в мгновение ока. Резкое неприятие литературной критикой произведения приблизило его к той точке неустойчивости, за которой – состояние, кардинально отличное от того, в котором Гоголь находился до момента выхода поэмы в свет.

Другими словами, к 1829 г. в жизни и творчестве Гоголя формируется первый аттрактор, что повлекло за собой переход в качественно иную область, в условиях которой создается концептуальная целостность первой гоголевской книги повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Сам художник, видимо, осознавал, что эти модификации носят определяющий характер. Поэтому он стремился к тому, чтобы максимально редуцировать возможность возвращения в область первого аттрактора. Именно этим была вызвана его истерическая интенция к уничтожению как можно большего количества экземпляров своей злосчастной поэмы. Фактически, Гоголь не знал, что с ним происходит и что он может предпринять по этому поводу. Ведомый тем, что представлялось ему иррациональным инстинктом, он сжигает книги. Последовавшая поездка в Германию может и не иметь отношения к «Ган-

цу Кюхельгартену» и быть лишь проявлением обязательного для того времени стремления приобщиться к земле, подарившей миру величайшую идеалистическую философию в истории человечества.

Таким образом, положения синергетики позволяют пролить свет на обстоятельства биографии и творческой деятельности Н.В. Гоголя, традиционно воспринимаемые в качестве «темных пятен» и до сих пор не подвергшиеся однозначному истолкованию. Кроме указанных, к таковым относится и специфика одной из самых загадочных повестей писателя – «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» (1831).

Обычно исследователи, констатируя необычность повести, резюмируют, что «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», выбивающаяся из общей структуры книги, есть прорыв к антропологичности «Миргорода» и «Петербургских повестей», и именно с этим связано ее своеобразие. Однако эта сентенция ни в коей мере не объясняет, в связи с чем оказывается возможным этот «прорыв», чем он был спровоцирован и почему остался ограниченным исключительно данной повестью. Поистине странно – «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» пишется в одно время с произведениями, наиболее ориентированными на оригинальное совмещение установок немецкого романтизма и фольклорно-мифологических традиций⁶, что практически никак не отразилось в нарочито приземленных, повседневно-бытовых реалиях повести о Шпоньке.

Думается, что синергетика может дать ответ и на этот вопрос. Одна из важнейших характеристик синергетической парадигмы связана с нелинейностью, что в математическом смысле означает возможность более чем одного решения при наличии одинаковых условий. В действительности же в бифуркационной модели случайность выступает как следствие крайне сложного, запутанного и опосредованного многими факторами действия множества причин.

Когда система эволюционирует нелинейным образом, она может пойти по разным путям; примечательно при этом, что система запоминает пройденную ею траекторию развития. Совмещая это положение с уже введенным понятием аттрактора, можно констатировать, что в 1831 г. потенциальный путь художественной эволюции Гоголя, связанный с кардинальной модификацией положений романтизма, перестает быть просто одной из множества альтернатив; начинает формироваться третий аттрактор – то, что в литературоведении именуется антропологической парадигмой гоголевского творчества. Однако это движение не было прямолинейным, а образовывало ломаную кривую, которая не раз приводила писателя ко второму аттрактору – мифопоэтическим истокам мировидения.

В этой связи тот фарватер, разделивший «Ганца Кюхельгартена» и «Вечера на хуторе близ Диканьки», что был пройден Гоголем, отнюдь не являлся Рубиконом, если можно так выразиться. Действительно, ведь и повести, составившие первую прозаическую книгу Гоголя, вполне правомерно назвать – по аналогии с «Ганцем Кюхельгартемом» – «идиллией в картинах». Идиллический хронотоп заявит о себе также в первой повести «миргородского» цикла «Старосветские помещики» (неслучайно М. Вайскопф характеризует ее как «кулинарную идиллию»⁷) – пусть она и отмечена скрытым психологизмом, двойственностью природы героя, которые разрушают идиллию, лишая ее онтологической однозначности, – а в непосредственно следующей за ней «Тарасе Бульбе» и вовсе будет иметь место так называемый «взрыв идиллии».

Уже эти примеры со всей определенностью репрезентируют тот факт, что при всем, на первый взгляд, ничем не обусловленном движении художественной мысли Гоголя на самом деле ее траектория подчиняется законам эволюционизма, понимаемого в аспекте синергетики⁸.

Совершенно особый смысл приобретает в этом контексте постоянное стремление писателя к объединению, циклизации своих произведений, что представляется проявлением космогонических установок художника. Будучи порождением рациональности

классического типа⁹ Гоголь пытался обуздать то, что представлялось ему проявлением хаотичности, иррациональности путем рукотворного создания разнородного, но при этом парадоксально органичного целого, для преодоления разорванности всех связей, тотальной раздробленности мира, пусть и в пределах лишь искусственно смоделированного «слежка» с него¹⁰.

Таким образом, даже беглый взгляд на особенности творческой эволюции Н.В. Гоголя, брошенный сквозь призму синергетической парадигмы, позволяет сделать ряд небезытересных наблюдений и, более того, расставить акценты в ее восприятии качественно иным образом¹¹.

Разумеется, предлагаемый подход отнюдь не бесспорен. В первую очередь, возникает опасность деперсонализации личности Гоголя – личности гениального художника. Может сложиться впечатление, что человек со всей сложностью, неоднозначностью и принципиальной неисчерпаемостью его натуры и уникальностью индивидуальных черт сводится к некой абстрактной «системе», блуждающей от аттрактора к аттрактору в соответствии с какой-то эфемерной логикой. Однако в том-то и заключается продуктивность рассмотрения творческой системы и обстоятельств биографии художника с точки зрения синергетики, что в идеале синергетический дискурс не ориентирован на выявление законов, а направлен на конструктивный диалог, на создание интерпретаций и предполагает открытую коммуникативно-ориентированную личность. В свою очередь, концепция глобального эволюционизма чрезвычайно мировоззренчески нагружена в силу того, что ее фокусом является человек, включенный во всеобщий эволюционный процесс.

При этом целью данной статьи является не постулирование определяющей роли синергетики в интерпретации космогонии Гоголя, но аргументация правомерности самого приложения ее положений к литературоведческим изысканиям. Гоголевская космогония – слишком сложный феномен, для выявления и описания которого традиционных литературоведческих методик может оказаться недостаточно. Однако просто взять определенные положения неравновесной термодинамики и статистической механики неравновесных процессов и попытаться грубо приспособить их для изучения феномена гениальности – неконструктивно, да и просто невозможно. Синергетический подход должен быть ассимилирован методологией, включающей в себя еще множество установок – от феноменологического и структурно-семиотического принципов до мифопоэтического и архетипического подходов. Лишь глобальность многоцелевого анализа творчества писателя и тонкие взаимодействия используемых методов, применяемых одновременно, может компенсировать ограниченность каждого и обеспечить полновесное осмысление того сложного единства, которое представляет собой творчество Гоголя.

Примечания

¹ См.: Янч Э. Самоорганизующаяся Вселенная. Введение и обзор: рождение парадигмы из метафлуктуации // ОНС: Общественные науки и современность. – 1999. – № 1. – С. 143–158.

² См. об этом подробнее: *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

³ Речь идет о рецензии Н.А. Полевого в «Московском телеграфе» (1829, № 12), анонимном отзыве в «Северной пчеле» (1829, № 87, 20 июля) и негативном суждении О.М. Сомова в альманахе «Северные цветы на 1830 год».

⁴ Так, 16 (28) ноября 1836 г. в письме М.П. Погодину из Парижа Н.В. Гоголь прямо заявляет, что большинство своих ранних творений он ценит не слишком высоко: «Мне страшно вспомнить обо всех моих мараньях. <...> И если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры “Ревизора”, а с ними “Арабески”, “Вечера” и всю прочую чепуху, и обо мне в течение долгого времени ни печатно, ни изустно не произносил никто ни слова, я бы благодарил судьбу».

⁵ *Гоголь Н.В.* Ганц Кюхельгартен // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. – М.: Наследие, 2001. – Т. 1. – С. 65.

⁶ Вспомним, что в 1832 г. была издана вторая часть «Вечеров...», в которой повести «Ночь перед Рождеством» и «Страшная месть» создавались параллельно с «Иваном Федоровичем Шпонькой и его тетушкой».

⁷ Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. – 2-е изд., испр. и расшир. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. – С. 368.

⁸ Подобных примеров можно привести еще множество: так, вряд ли развернутых комментариев требует создание художником множества (или, по меньшей мере, нескольких) вариантов отдельных повестей (хрестоматийным примером этой особенности творческого метода писателя является не только судьба «Тараса Бульбы», но подвергнутый в 1842 г. серьезной переработке «Вий»), а также две редакции повести «Портрет»), не говоря уже о модификации «Арабесок» в концептуальное единство «Петербургских повестей» или, используя более корректный термин, повестей третьего тома Собрания сочинений 1842 г.

⁹ Классический подход к осмыслению познавательных практик имеет в виду то обстоятельство, что субъект исключается из мира, а мир предстает как некая внешняя реальность, преданная субъекту. Синергетика предполагает, что субъект входит в познаваемую им систему как составляющая этой системы. Синергетическое видение мира – это признание не только самоактивности бытия, но и единства всех происходящих процессов, включая социальные, мыслительные, этические, т.е. формируется диалог мира и человека.

¹⁰ При этом проявлением своего рода вселенской иронии можно считать то, что с точки зрения синергетики эти усилия были тщетными и совершенно не нужными – то, что представляется человеку хаосом, на самом деле является потенциальным источником гармонии высшего порядка, обусловленной имплицитно согласованными действиями бесчисленного множества самоорганизующихся систем, находящихся в процессе непрерывного становления.

¹¹ Так, синергетический подход может быть крайне плодотворен для придания литературоведческому исследованию поистине историсофского уровня, под чем, в частности, понимается привлечение реалий эпохи, в которой жил и творил художник, ибо синергетика пытается понять взаимодействие между микро- и макроуровнями, понять взаимодействие между частью и целым. В синергетике свойства приписываются не индивидуальному объекту, но целокупности множества объектов. Другими словами, за способность быть наделенными теми или иными свойствами отвечают не отдельные элементы системы, а их коллективные взаимодействия, согласованности, когерентности.

ЧЕРТЫ КАРНАВАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКИ В «ПИСЬМАХ ИЗ ФРАНЦИИ» Д.И. ФОНВИЗИНА

О.А. Тризно, ТГУ, аспирант
Научный руководитель – О.Б. Лебедева

Среди всех литераторов, тексты которых так или иначе связаны с образом Франции, Д.И. Фонвизин занимает совершенно особенное место: помимо того, что в рамках его творчества этот образ явлен посредством сразу двух типов художественного кода (поведенческого в комедии «Бригадир» и описательного в «Письмах из Франции»), его травелог «Письма из Франции» представляет уникальное в своем роде явление, а именно, степень и форма эксплицированности авторской позиции в оценке французской действительности, в равной мере экспрессивной и аксиологически недвусмысленной, исключает всякую возможность спутать этот текст с чем бы то ни было. Однако попытка объяснить эту особенность Писем личной эмоциональной неприязнью и предрешенностью автора-сатирика по отношению к предмету изображения выглядит по меньшей мере вульгарной, особенно если принять во внимание жанровое своеобразие его комедий, которые по способу миромоделирования куда сложнее и глубже одномерности сатирического взгляда.

Тем не менее сам текст дает для такой попытки все основания: автор поражает своей неутомимой готовностью при каждом удобном случае обвинить французов в развращении нравов, скотстве, невежестве, нечистоплотности, а также всякую минуту самым бестактным образом осмеять все, что кажется ему странным, непривычным или неправильным:

«Самый образ обхождения достоин посмеяния. Всего написать не можно, что здесь смешного встречается. Ни в чем на свете я так не ошибался, как в мыслях моих о Франции. Радуюсь сердечно, что я ее сам видел и что не может уже никто расказами своими мне импозировать. Мы все, сколько ни есть нас русских, вседневно